

ЗИНАИДА ГИППИУС

В ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
ТИСКАХ

Зинаида Гиппиус
В человеческих тисках

«Public Domain»

1913

Гиппиус З. Н.

В человеческих тисках / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1913

«В номере лучшей городской гостиницы «Метрополь» сидит инженер Золотов, Ириарх Иванович, а перед ним, через стол – его дочь, Фина. Сквозь грязные окна дорогого номера смотрит грязный зимний день. Ириарх Иванович еще не оправился от неожиданности, еще смущен: наливает себе третий стакан чаю, неловко гремя ложечкой, опять спрашивает Фину, не хочет ли она еще чаю и почему не ест конфет, хотя она уже дважды отказалась...»

© Гиппиус З. Н., 1913

© Public Domain, 1913

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Зинаида Гиппиус

В человеческих тисках

*...И нет томленью разрешенья,
И все навек без измененья...*

I

В номере лучшей городской гостиницы «Метрополь» сидит инженер Золотов, Иринарх Иванович, а перед ним, через стол – его дочь, Fiна.

Сквозь грязные окна дорогого номера смотрит грязный зимний день. Иринарх Иванович еще не оправился от неожиданности, еще смущен: наливает себе третий стакан чаю, неловко гремя ложечкой, опять спрашивает Fiну, не хочет ли она еще чаю и почему не ест конфет, хотя она уже дважды отказалась.

Неожиданность большая: три года тому назад он видел Fiну девочкой, приводила ее к нему в эту же гостиницу не то горничная, не то нянька; а теперь Fiна пришла одна – высокая, тонкая барышня, и волосы зачесаны, как у взрослых. Ей шестнадцатый год, а на вид больше: совсем не детские, сумрачные глаза. Правда, и теперь глядят эти карие глаза под сближенными бровями на отца с прежним скрытым обожанием, – но смущен и потерян Иринарх Иванович. Не может найти верного тона с дочерью.

Вспоминает свои письма к ней за последнее время (переписывались они постоянно) – и морщится от конфуза и боли: писал ей – девочке, а она вон какая.

– Значит, Софиночка, дома теперь учишься? Учителя? – переспрашивает он, прихлебывая чай, которого ему совсем не хочется.

– Да, учителя. Я же говорила.

– Так. А жаль. Ведь нынче бы уж кончила. Рановато, положим... Экзамен при гимназии будешь держать?

– Не знаю.

Девочка нахмурилась и прибавила с усилием:

– Я... гадко учусь. Плохо.

Иринарх Иванович испугался. Его Финочка, которая всегда шла первой ученицей, Финочка-умница, книжница, и вдруг так говорит сама; правду же говорит? Что случилось? Надо спросить.

Но ничего не спросил, замолк, пощипывая короткую бороду, сероватую от седины. Инженер Золотов, впрочем, не стар, лет сорок пять, не больше, и лицо у него очень приятное; слишком добродушное только, мягкое; доброта до раскисляйства.

Финочка тоже помолчала. Поправила волосы. И вдруг проговорила совсем чуждо, холодно, условно:

– Я тебе не писала об этом, папа, чтобы тебя не огорчать. Но раз уж мы свиделись, так надо правду. Совсем я испортилась. Изленилась. Прости, если это тебя огорчает.

– Финочка! Родная! – взмолился Золотов и даже привстал. – Да какая ж эта правда? Скажи мне, детка, тебе живется худо, скажи, да?

Встала и девочка.

– Что ты, папа? Что сказать? Мне очень, очень хорошо, прекрасно...

И не выдержала, заплакала, превратилась в маленькую девочку, ладонями утирала глаза.

– Да, худо, худо живется, там худо, что не могу больше, пусть я сама гадкая, пусть, пусть, не могу!

Как только Фина превратилась в девочку, Иринарх Иванович перестал ее бояться. Страх перед надвинувшейся неизвестной ответственностью остался, еще обострился, а к девочке, к дочке своей, была только мучительная любовь.

Он взял ее, как маленькую, на колени, неловко прижимал голову к тужурке, целовал в висок, где у нее всегда колечком закручивалась светлая прядка.

– Родная, а я-то? Кто тебя обижает? Как же я-то не знал? Как же ты обо мне забыла?

Сквозь всхлипыванья, изо всех сил стараясь успокоиться, Финочка говорила:

– Тебя ведь нет, папуса... тебя всегда нет... Я так тебя люблю, а тебя все до ужаса нет, и я мучусь, и даже тебя забываю, вот до чего дошло! Может, оттого и все, что тебя нет!

– Финочка, да ведь я же...

– Постой, постой, я тебе сначала расскажу. Видишь, я уж не плачу.

Вытерла торопливо ладонями щеки, прижалась к нему, зашептала:

– Папа, ведь ты не знаешь, почему я из гимназии ушла? Ведь меня все равно выключили бы. Я Катю Явейн при всех в зале в большую перемену по щеке ударила. Я – сильная, у нее из носа кровь пошла. Все видели, инспектор был, закричали, меня окружили, я вырвалась и домой убежала.

– Финочка! Господи! Как же это вышло?

– А так. Слушай, папа. Никто-никто на свете не знает, никому не говорила, тебе только. Мы поссорились немножко, а она вдруг говорит: «Твоя мама Свиридовская содержанка. Твой папа ее Свиридову продал, это вся гимназия знает». Ну... я и ударила.

У Золотова искривилось лицо; вздрогнул, Бахотел вскочить, пройти по комнате. Но руки девочки крепко держались за его шею, и стало жалко их отрывать.

Только дух перевел и спросил тихонько:

– Маме тоже не сказала?

– Нет, никому же! Мамочке говорила, что из злости ударила и чтоб меня сейчас же из гимназии взять. Мамочка сердилась, потом плакала. Мне жалко, жалко, но я и с учителями заниматься не могу. Я ведь и раньше, впрочем... Я уж давно испортилась. Все думала, мучилась... Тебя нет...

– погоди, Софина, постой... – Иринарх Иванович нежно отвел ее руки и заглянул в лицо. – Ты все скажи. Кто-нибудь тебе наговорил раньше? Что было?

– Папа, ведь я же не маленькая. Ведь я же сама понимаю. Ты думаешь, я верю тому, что Катя Явейн сказала? Да нисколько. Я должна была ее ударить, но я не верю. Просто мама полюбила Николая Яковлевича, он ее, а ты уехал, чтобы им было хорошо. Я же ведь понимаю все. Вы думали, я маленькая и ничего не понимаю? Тогда все и началось.

– Что – все?

– Да вот... жизнь такая.

– Какая же, Финочка? Боже мой, Боже мой! Разве мама не любила тебя, не заботилась?

Фина встала с колен отца и грустно поглядела на него.

– Ты странный, папа. Я так много рассказала, а ты не понимаешь. Если я тебя люблю, если ты из-за Свиридова меня и мамочку покинул, то не могу же я этого Свиридова не возненавидеть? И каждый день все больше, да, все больше. А мамочка...

Она остановилась, чтобы проглотить рыдание, и чуть слышно кончила:

– ...Любит его все-таки. Плачет перед ним. А он кричит на нее часто. Точно она вправду его купленная. Как он смеет! Уйдет – мамочка со мной плачет. Она слабая, мамочка. Я утешаю, жалко, а я бы его... я его когда-нибудь...

Сжала худенькие ручки в кулаки и так темно посмотрела, что Золотов весь заглодал.

– И учителей его не хочу, ничего не хочу. Прачкой буду, горничной...

– Фина, что ты? Ведь ты моя, ведь ты на мои... деньги живешь и учишься, ведь я тоже не бедный... Разве я не посылаю маме? Как ты могла подумать?

Уж не знал, что ей следует говорить, чего не следует. Весь этот ужас застал его врасплох. Надо было действовать, но как – он не видел и придумать не мог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.